

ПАССИВ В АСПЕКТЕ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО МЕТОДА («ТЕОРИЯ ОБРАТИМОСТИ»)

Т. М. Рыжанкова (Могилев, Беларусь)

Категория залога относится к числу самых важных и сложных грамматических категорий индоевропейских языков. Залог – это постоянная лексико-грамматическая категория глагола, которая выражает отношения между действием, называемым глаголом, субъектом и объектом этого действия (выраженными подлежащим и дополнениями). В немецком языкознании традиционно выделяются два залога: действительный залог (актив) и страдательный залог (пассив). Действительный залог показывает, что действие выполняет сам объект (Meine Mutter kocht die Suppe), а в страдательном залоге действие исходит не от подлежащего, а, скорее, направлено на него (Die Suppe wird von meiner Mutter gekocht). Категория залога, как известно, строится на оппозиции «актив – пассив».

Вопрос о характере семантических отношений в оппозиции актив – пассив нашел отражение в так называемой «теории обратимости» [1], согласно которой пассивная конструкция обычно противопоставляется активной конструкции как ее «обратная форма» [2]: Der Architekt arbeitet das Projekt aus. – Das Projekt wird vom Architekten ausgearbeitet. Данные предложения имеют одинаковое смысловое содержание. Эти конструкции просто выражают разные модификации одного и того же содержания, которые принадлежат друг другу, как эквиваленты, и должны быть противопоставлены друг другу.

Отношения обратимости (взаимозаменяемости) в грамматике немецкого языка понимаются как грамматическая синонимия. Для пассива они предполагают смену активного и пассивного залога, которая возможна в том случае, когда автор повествования старается сохранить один и тот же субъект действия в контактно расположенных предложениях.

Основные принципы трансформационного метода были сформулированы американским лингвистом З. Харрисом в 50-х гг. XX в. Исходя из этого метода, пассивные предложения могут быть выведены из активных / ядерных предложений с помощью ряда обязательных и факультативных трансформаций. Впоследствии положение о том, что трансформации либо вовсе не меняют содержание ядерных предложений, либо меняют его незначительно и строго определенным образом, было подвергнуто критическому пересмотру.

Критики традиционной «теории обратимости» указывали на то, что ни о каком механическом обращении активной конструкции в пассивную не может быть и речи. В трансформационных правилах был ограничен набор глаголов, способных к пассивной корреляции, тем самым в центре дискуссии оказался вопрос об «истинных» и «неистинных» пассивных предложениях [3]. Помимо стилистических соображений, здесь учитывается то, что некоторые переходные глаголы вообще не могут использовать пассивную форму [2].

Этот факт легко объясним исходя из семантики большинства глаголов. Некоторые, хотя и являются переходными, обозначают не действие, а состояние (besitzen, kosten, gelten). Таким образом, для образования пассива, как правило, необходимо, чтобы глагол в его активной форме обозначал реальное действие, внешнее или внутреннее.

На неоднородную семантику действительного залога в противовес однозначному значению пассива указывает противопоставление актива и пассива на уровне анализа ролевой структуры. Как известно, пассив отодвигает действующее лицо на задний план, что делает высказывание «субъективным». Замена пассивного залога активным и наоборот делает присутствие деятеля семантически «мерцательным».

Концепция о том, что между активными и пассивными структурами существуют обратные отношения, получила свое отражение также в теории о конверсивах. В грамматике и лексике конверсия является способом выражения субъектно-объектных отношений в экви-

валентных их смыслу предложениях. В своей работе, которая посвящена функциям пассива в немецком языке, С. Паппе-Мюллер рассматривает два вида конверсии: грамматическую и лексическую [4].

Активные и пассивные конструкции представляются сложными для тех, кто изучает немецкий язык [5; 6], поэтому отдельно рассматриваются в учебно-методических пособиях по немецкому языку как иностранному [7].

Библиографический список

1. Jung, W. Grammatik der Deutschen Sprache / W. Jung, G. Kunzendorf, E. Kurka, E. Stock, U. Stötzer, verb. Aufl. – Leipzig : Bibliographisches Institut, 1966. – XII, 518 s.
2. Адмони, В. Г. Теоретическая грамматика немецкого языка (строй современного немецкого языка) / В. Г. Адмони. – М. : Просвещение, 1986. – 336 с.
3. Hartung, W. Die Passivtransformationen im Deutschen / W. Hartung // Studia Grammatica. Vier Aufsätze. – Berlin, 1973. – S. 90–110.
4. Pape-Müller, S. Textfunktionen des Passivs / S. Pape-Müller. – Tübingen : Niemeyer, 1980. – 358 S.
5. Рыжанкова, Т. М. Система залоговых отношений в немецком языке / Т. М. Рыжанкова // Немецкий язык – лингводидактическое обеспечение и методика преподавания : сб. статей / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – С. 52–55.
6. Рыжанкова, Т. М. Структура и функции результативного пассива в немецком языке / Т. М. Рыжанкова // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2018 г. / под ред. Е. К. Сычовой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – С. 70–72.
7. Балабанова, Т. Н. Практический курс немецкого языка – 1 = Sprachpraxis Deutsch – 1 : учеб.-метод. пособие / Т. Н. Балабанова, И. В. Нивина, Н. А. Протасова, А. М. Старостина, А. Д. Теплякова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2021. – 212 с.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПЕЧАЛИ В СОВРЕМЕННЫХ БЕЛОРУССКИХ СМИ

И. О. Савенок (Минск, Беларусь)

В современной лингвистической науке актуальными являются исследования языковых репрезентаций внутреннего мира человека, выполненные в рамках антропоцентрической парадигмы, которая ставит человека «точкой отсчета в анализе» научного исследования [1]. Изучение сферы человеческих эмоций, одной из наиболее сложно организованных систем, представлено широким кругом исследователей: Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Л. Г. Бабенко, А. Вежбицкая, Л. Н. Иорданская, Н. А. Красавский, В. И. Шаховский и др.

Как пишет М. Л. Бутовская, «эмоции являются адаптивным ответом индивида на изменения в окружающей среде и важны в социально-коммуникативном, когнитивном и психологическом аспекте» [2, с. 174]. С. В. Маслечкина называет эмоции «мощным рычагом, помогающим открыть завесу над непонятым, расширить кругозор, приобрести новые навыки, умения, знания», отмечая, что эмоции составляют ядро мотивационной структуры человека [3]. В. И. Шаховский, считая эмоции мотивационной основой человеческого сознания, его неотъемлемым образующим компонентом, ввел термин «эмотиология», положив основу дальнейшего изучения эмоций в лингвистической науке [4]. Значительный вклад в изучение репрезентации внутреннего мира человека в белорусском языкознании внесли работы В. Д. Стариченка, В. А. Масловой, А. С. Дедовой, О. Ю. Шиманской, В. И. Жука.

Эмоциональная сфера исследуется в рамках эмотиологии, лингвистики эмоций, с когнитивными процессами, где поднимается проблема человека в языке или эмоций человека в языке [5].